

ПРОЛОГ

1959 год, июнь. Москва, СССР

Своим ключом Данилов отпер дверь Вариной квартиры, и первое, что он увидел, — тело ее мамы. Женщина лежала навзничь. На лбу — красное пятнышко. Неживые глаза широко распахнуты. Под затылком растеклась лужа крови.

Наши дни. Москва, Россия

Запись сделали в начале девяностых прошлого века. Как раз тогда эти *сбитые летчики*, бывшие советские сильные мира сего, снова стали интересными. Разумеется, те, кто дожил. Вернее, публике они, может, и раньше были интересны — да только до перестройки никто не собирался тратить драгоценную видеопленку и труд съемочной группы, чтобы записать мемуары человека, которые гарантированно не пустят в эфир.

Но в девяносто третьем отставником, после десятка лет забвения, вдруг заинтересовались. Вот он и сидел перед объективом видеокамеры — старенький, но пряменький, в костюмчике с галстучком. На полированном столе карельской березы лежали бумаги, подготовленные к разговору — как водится в *конторе*, лицом вниз. А цифры в углу кадра отсчитывали дату и время, и секунды неумолимо бежали вперед, к скорой и неизбежной кончине этого бывшего советского *руководителя партии и правительства*: 12.02.1993; 20:34:35... 36, 37, 38...

Полковник Петренко ясно представил себе, как лихие перестроечные телевизионщики отыскивали этого полузабытого пенсионера и какой шухер ца-

рил в квартире отставника, который уже лет двадцать пять к тому времени не давал никаких интервью и все пятнадцать — пребывал в полном забвении. Как жена или прислуга мыли все и пылесосили, доставали из шкафа белую рубашечку с галстучком, продумывали, куда посадить и чем угостить журналистов. Камера у телевизионщиков имелась, судя по всему, одна и старинная, тяжеленная — планы не менялись, ракурс тоже. Лица корреспондента так ни разу и не показали, вопросы доносились из-за кадра, объектив был постоянно нацелен на героя. Лишь иногда оператор позволял себе вольность: со слышимыми щелчками приближал-удалял лицо интервьюируемого. В один из таких «наездов» стало заметно, что воротничок его рубашечки беленькой, надетой под галстучек, — потерся, посекеся и выглядит жалко.

Но сам хозяин держался внушительно: четко формулировал, ясно описывал. Хотя, конечно, старческая ригидность, замедлявшая реакции, давала о себе знать. Полковник помнил, что через полтора года после записи интервьюируемый умрет. Но сейчас Петренко совершенно не интересовало то, что случилось с объектом *после*. Важно было, что творилось с ним *до*. И *что он собой представляет*. И *может ли*.

Интервью это полковник уже видел, да, собственно, он его для показа на совещании и готовил, поэтому мог сейчас сосредоточиться не на содержании, а на том, как товарищ держится и реагирует.

А интервьюируемый со вкусом повествовал о самом, наверное, ярком событии в его жизни: заговоре против Хрущева в 1964 году, в котором отставник принимал самое деятельное участие.

— Кто и когда впервые предложил вам присоединиться к группе по устранению Никиты Сергеевича? — наседал корреспондент.

— Многие тогда понимали, что действия Хрущева ведут партию и государство в неправильном направлении, — начал округло комментировать *сбитый летчик*, а Петренко вновь мысленно попенял на его велеречивость и взвешенность — тогда-то, в девяносто третьем, бог бы с ним, пусть осторожничает. Но хватит ли у *кандидата* решимости и жесткости в пятьдесят девятом — если судьба вдруг подарит ему, молодому, второй шанс? А если не хватит? И он не сможет? Тогда кто?

Похоже, о том же думал и нынешний начальник *комиссии*, генерал Марголин, и второй генерал, на одну звезду важнее, из центрального аппарата. А вот о чем размышляли те двое в гражданских костюмчиках, которые перед совещанием даже не представились? Они сидели важные, непроницаемые — однако им, судя по всему, предстояло главное: решать. Точнее, выбор все равно будет делать Сам, и никто больше, но вот от того, как эти двое доложат Папе, зависит все.

— Понятно, — небрежно кивнул один из молодых.

Повинуясь едва заметному знаку начальника *комиссии*, «козла-винторогого» Марголина, Петренко остановил запись на полуслове.

— Итак, вы предлагаете, — игнорируя старшего по званию Марголина и другого генерала, из центрального аппарата, напрямую обратился к Петренко второй молодой, — именно на него сделать основную ставку?

— Пока — да, на него, — отвечивал Петренко. — Да ведь других кандидатов — раз-два и обчелся.

И выглядят они гораздо хуже. Однако заранее спрогнозировать, как развернется операция, вряд ли возможно. Придется принимать решение на месте.

— Значит, у вас там, *в прошлом*, в пятьдесят девятом году, сейчас находятся двое *сотрудников*?

— Сотрудник — один. Точнее, одна. Варвара Кононова, капитан. Служит в *комиссии* почти двадцать лет.

— Двадцать? И всего лишь капитан?

— Да, бывает недисциплинированна, за что подвергалась взысканиям. Зато умна, смела, преданна.

— А кто второй?

— Второй — гражданский, некий Данилов, ее сожитель.

— А не кажется ли вам, товарищ Петренко, что эту группу, находящуюся в прошлом, необходимо усилить? Причем лично вам?

Январь 1959 года

В Советском Союзе зимой долго не отдыхали. Первого января отоспались после новогодней ночи — и второго на работу. Фабричный — к станку, инженер — к кульману. Студент — сессию сдавать.

Да ведь и первое выходным сделали лет десять назад — в сорок восьмом. Раньше, в войну или в тридцатые, — какие там новогодние праздники! Отоспаться бы в Новый год кто живой.

Тех, кто хлебнул в своей жизни военного-послевоенного лиха, в окружении Данилова большинство. Смотрят на него, юнца сорокового года рождения, в лучшем случае снисходительно. Ропщут, чуть не вслух: мы-де на фронтах кровь проливали, в кабинетах ночи напролет при усатом батьке просиживали, а этот молокосос явился — и его сразу помощником

первого секретаря сделали! Хрущева, которому шлея под хвост попала, вслух пока не хулили. Но недовольны были сильно.

Работал Данилов в державном здании ЦК на Старой площади. Имел отдельный кабинет за двумя дверьми, обитыми дерматином. И даже секретарша к нему была приставлена, Ангелина Павловна, лет сорока семи. Она, слава богу, к нему по-доброму относилась, можно сказать, по-матерински. Заботилась, чтобы он всегда сыт был, иной раз ему из столовой обед-ужин сама на подносике притаскивала или домашними пирожками подкармливала. На все даниловские расспросы отвечала совсем не свысока, а подробно, четко, обстоятельно. Насколько могла, просвещала насчет тайных извивов высокого партийного политеса.

Данилов помощь ценил, Ангелине доверял и в ней нуждался. А чтобы уравновесить явное недоброжелательство коллег по ЦК, старался поддерживать отношения со своим студенческим окружением. Просил и Вальку, и Валерку, с которыми он жил в студенческом общежитии Техноложки, звонить ему в любое время. Дал им свой домашний номер и прямой рабочий, не через Ангелину. При первой возможности приглашал их в кафе, пивную или театр — деньжата у него, по сравнению со студенчеством, появились, а «корочка» с золотыми буквами ЦК КПСС отпирала любые двери.

И еще потому Данилов нуждался в Валентине с Валерием, что просил друзей «приглядывать за Ларисой Жаворонковой». На их откровенный вопрос: почему бы, мол, ему самому с ней не встречаться и лично не приглядывать, рассказал побасенку, что у

них с Лариской все сложно. Она на него обижена и сердита, но он не теряет надежды и т. п.

А что ему было рассказывать, правду — она, дескать, его *мать будущая*? Что через десяток с лишним лет Жаворонкова и отец должны встретиться? Зачать и родить Данилова?

И как оно все дальше будет — если он сейчас в теле своего собственного отца находится и непонятно, когда из него сможет выбраться? Как история его семьи пойдет дальше?

От этих вопросов голова у Данилова пухла. Ответов на них он не находил и потому старался гнать прочь. Одно знал определенно: девушку, которой суждено стать его матерью, бросать на произвол судьбы не следует. И раз ему ведомо будущее, он обязан ее от всяких неприятных неожиданностей оберегать.

И вот пятого января, в понедельник, ему в рабочий кабинет позвонил Валька. По прямому проводу, минуя Ангелину. Голос дружбана звучал эйфорически.

— Представляешь, старик! — орал он в трубку. — Мы сопромат сдали! Я вообще на пять баллов, сечёшь? И Валерка на «хорошо», врубаешься?

— Я в вас верил, друзья мои! — воскликнул Данилов.

Эх, ему бы их заботы: сопромат! Одно слово — студии. И этот смешной жаргончик шестидесятилетней давности: «сечешь», «врубился».

— Теперь жениться можно! — продолжал неистовствовать радостный Валёк. — Кстати! Совсем забыл! Твоя Лариска замуж собралась!

— Вот как? Лариса Жаворонкова? Ты уверен?

— Точняк, тебе говорю. Я ее тут встретил: ходит, вся светится. Так что упустил ты кадр.

— И кто счастливец? Кто ее избранник?

— Чувак один с Урала.

При слове «Урал» внутри Данилова словно предупредительный звоночек прозвенел, и он стал выпрашивать:

— А где мужик тот учится? У нас в Техноложке?

— В какой Техноложке! Я тебе говорю: он уралец. Взрослый мэн, вуз уже окончил.

Да, мать, перед тем как выйти за отца и стать Даниловой, была замужем. Но совсем не за взрослым и никак не уральцем.

А Валентин продолжал распространяться:

— Ехал я тут с ней в метро. Она — счастливая! Не идет — летит. И давай мне все выкладывать. Ее прям распирает. Я, говорит, в эти зимние каникулы с ним в поход пойду, на Северный Урал.

При словах о походе да на Северный Урал звоночек внутри Данилова превратился в набатный колокол.

— Мы как раз с ней в метро общались, когда она к нему ехала. Он, говорит, в Москву в командировку прибыл, встречаемся мы с ним.

— Да? Вот как? И как же того хахаля зовут? Не Дятлов ли случайно?

— Да какой Дятлов! Фамилия у него какая-то смешная. А зовут Жорой или Юрой. Георгий, короче.

— Смешная фамилия? А как конкретно?

— Ты прям как постовой вцепился! По-моему, Кривонищенко, или что-то вроде.

Данилов записал на перекидном календаре: «Кривонищенко Георгий» и рядом поставил знак вопроса.

— А какой он вуз оканчивал, не помнишь?

— Ты прям как мамочка расспрашиваешь! Зачем тебе?

— Рожу ему чистить собираюсь, — буркнул молодой человек. — Накапливаю информацию.

— Опоздал ты, брат, боюсь, совсем опоздал, — с несколько лицемерным сочувствием проговорил Валёк.

— Значит, где, говоришь, он тут, в столице, остановился?

— Реально махаться с ним будешь?

— Может, придется.

— Только я тебе ничего не говорил. Ты как будто случайно их встретил... Где он остановился, не знаю, но она сказала, что в гостинице живет. И Лариска твоя как раз к нему ехала. Еще спросила: пустят ли ее к нему в номер или это запрещено?

— Ехала-то куда?

— Вышла на конечной, «ВСХВ»¹.

— И давно это было?

— Да вот полчаса назад.

— Это всё? Или еще чем-то меня обрадуешь?

— Э, чувак, я, вообще-то, тебя хотел позвать пивка попить, отметить, что сопромат спихнули.

— Спасибо, старина, но давай в другой раз. Я ведь на работе, и дел тут навалилось выше крыши.

— Ну, тогда бывай, ответственный, хе, работник ЦК.

Данилов положил трубку. Проживая свою жизнь в двадцать первом веке, он никогда не интересовался темой перевала Дятлова, но наслышан был. И слова Валентина о походе на Северный Урал заставили задуматься. Еще как задуматься! Да, группа Дятлова пошла как раз на Северный Урал в конце пятидесятых годов. А когда она вообще-то погибла? В пятьдесят

---

¹ Сейчас «ВДНХ», переименована в декабре 1959 года.

сдьмом? Или восьмом? Или вовсе в шестидесятом? Или прямо сейчас — в пятьдесят девятом?

И его будущая мать собирается идти с ними?! В поход?! На Северный Урал?!

Боже, как же сложно, когда под рукой нет Интернета! И ведь никак не проверишь информацию — если даже гибельный дятловский поход случился все-таки *в прошлом*, год или два назад, о нем ведь не писали советские газеты, даже словом не обмолвились.

Но, впрочем, в руках Данилова имелся могучий информационный ресурс в виде ЦК партии.

Он выскочил в предбанник. Ангелина, надев очки, печатала какую-то справку в две закладки копирки.

— Ангелиночка Павловна, — резко спросил Данилов, — помните такой случай: группа советских туристов, студентов, погибла во время зимнего похода на Урале. Умерли все, больше десяти человек. Год назад, два или три?

— Н-нет, ничего подобного не припомню.

— А могло такое событие до ЦК не дойти?

— Да ну что вы! О чем вы говорите! Мы бы точно знали.

— Тогда, Ангелиночка Пална, я вас прошу, бросьте все. Садитесь на телефон и звоните, свехсрочно, молнией, в вузы Свердловска. И не только Свердловска, но вообще всего Уральского региона. Выясните: идет ли на эти зимние каникулы в поход студенческая тургруппа под руководством некоего Дятлова. И дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник. Какие там гостиницы у нас есть в районе ВДНХ, то есть ВСХВ?

Ангелина — вот что значит школа! — казалось, одновременно ухитрилась сделать два дела. Одной

рукой записала в рабочий блокнот установочные данные, что сгрузил ей Данилов:

- *Урал,*
- *вузы,*
- *поход,*
- *Дятлов.*

И как будто бы другой рукой в то же самое время протянула ему справочник Московской городской телефонной сети, причем раскрытым на странице, где гостиницы. Причем нужные ему в районе Выставки — «Турист», «Золотой колос», «Байкал» — загадочным образом оказались отмечены легкими карандашными галочками.

Данилов схватил фолиант и убежал. Открывая двери к себе, он слышал, как верная секретарша набирает междугородний номер. В ЦК партии уже появилось чудо-чудесное — импортные АТС фирмы «Строуджер», поэтому здесь, в единственном месте в стране, можно было звонить по межгороду не через телефонистку, а напрямую, набирая номер.

Сам же Данилов из своего кабинета принялся обзванивать гостиницы. Волшебные слова — «С вами говорят из ЦК партии» — оказывали на собеседников магическое воздействие. Он даже свою должность преуменьшал: негоже помощнику Никиты Сергеевича простым гостиничным клеркам телефонировать. Представлялся: «Инструктор ЦК КПСС Данилов» — и все равно пред ним стелились.

Довольно быстро удача ему улыбнулась. Во втором корпусе отеля «Золотой колос» дежурная сказала: да, значит такой Кривонищенко, проживает в триста девятом номере.

- Он сейчас у себя? Или вышел?

— Ключ не сдавал. Значит, у себя, наверное.

— Посетители находятся у него в номере в настоящее время?

— Не могу знать. Не видела. Если хотите, могу дежурную по этажу спросить. — Да-да, в то время имелось такое чудо в советских гостиницах, как *дежурная по этажу*. Она восседала у лестницы или у лифта и зорко секла, чтобы вверенные ей постояльцы не роняли честь и достоинство коммуниста-комсомольца.

— Не надо, лучше сами зайдите к нему в номер и попросите, чтобы он до моего прибытия никуда не отходил. Я приеду к нему для личной беседы.

А тут и Ангелина к нему вежливо поскреблась. Данилов распахнул дверь, и секретарша доложила:

— Свердловск, Уральский политехнический. Действительно, тургруппа Дятлова собирается на Северный Урал в поход третьей категории сложности.

— Прекрасно! Телефон ректора? И секретаря парткома института?

Вышколенная помощница подала ему листочек с четырьмя фамилиями и телефонами: кроме запрошенных там значились еще председатель профкома и начальник турклуба.

— Со Свердловском разница во времени два часа. Там сейчас уже восемнадцать.

— Я в курсе. Будем надеяться, секретарь парткома привык в прежние времена допоздна засиживаться. Спасибо вам огромное за помощь!

Нет, даже без Интернета можно жить. Если ты в ЦК партии, конечно, работаешь.

— И соедините меня, пожалуйста, Ангелина Палана, с секретарем парткома института.

Тоже политес, которому Данилов не сразу, но выучился: для пущего эффекта на периферию лучше звонить через секретаршу.

Минуты через три в трубке раздался вальяжный, но исполненный чиновничества голос партийного начальника. После взаимных расшаркиваний, когда секретарь парткома всячески пытался нащупать, к добру ли, к худу ли раздался звонок из «большого ЦК», Данилов влепил в лоб:

— До нас дошла информация, что у вас собирается в туристический поход группа под руководством некоего Дятлова.

Вряд ли главный партиец огромного института ведал об этом, да и фамилию Дятлова слышал едва ли, поэтому ограничился в ответ неопределенным междометием, чем-то средним между «да-да» и «я же их предупреждал».

— Так вот, есть мнение, что экспедицию эту следует отменить, а группу — расформировать.

— Понимаю. А что такое? В чем причина?

Подставлять несчастных «дятловцев» и возводить на них поклепы Данилов не собирался, поэтому проговорил обтекаемо:

— На маршруте возможны нежелательные встречи.

— Понимаю вас, — столь же глубокомысленно ответил партийный чинуша, хотя ни черта, конечно, не понимал.

Данилов положил трубку, достал из шкафа свое пальто с шапкой и бросился к выходу. Конечно, партийный секретарь вуза к его звонку должен прислушаться, не может не прислушаться. С другой стороны, дисциплинка в стране успела подрастать. И если лет десять назад, когда жив был усатый упырь,

после подобного звонка из Москвы всю группу дятловскую могли ненароком и расстрелять, то теперь, кто знает, может, и вовсе пропустят в Свердловске «сигнал» мимо ушей? Надо подстраховаться. Поэтому молодой человек бросился вниз, к машине.

Несолидно выскочил, почти бегом кинулся к стоянке. Шоферы персональных «ЗИМов», «Волг», а то и «ЗИСов» потоптывали на морозце, похлопывали руками, но курили, сбившись в кучу, и судачили. Они оглядели Данилова исподлобья — Алексея не уважали. Странно им было: чуваку положена по штату персоналка с личным водилой, а он, юнец, несерьезный оранжевый «Москвич» за собственный счет купил. Сам за рулем горбится. И моет свою тачку сам, и управляет, и даже чинит.

Но помимо удовольствия носиться за рулем по полупустому городу, Данилов очень хорошо представлял себе, что все эти водилы из спецгаража постукивают на своих хозяев, конечно: куда ездил, по какому адресу, да о чем в салоне говорил, как о ком отзывался. А зачем Алексею такое счастье? И так, он не сомневался, все время находится под колпаком. И кабинет его слушают, и квартиру — несомненно. Может, даже в «Москвича» жучок воткнули.

Он вставил ключ в зажигание, вырулил с парковки и погнал.

Быстро долетел до круга на Лубянке — памятник Дзержинскому тут только-только появился¹. Пронес-

---

¹ Памятник основателю ВЧК Дзержинскому (скульптор Е. Вучетич) на одноименной площади, перед зданием КГБ, был установлен 20 декабря 1958 года. В августе 1991-го, после провала путча, его снесли. В настоящее время скульптура находится в парке «Музеон».

ся по улице Дзержинского, потом по Сретенке. Светофор над Садовым горел разрешительным светом. Только в этом, пятьдесят девятом году их конструкцию начнут менять: зеленый сигнал поместят вниз, красный — вверх. Пока же все наоборот: зеленый — выше всех.

Молодой человек в «Москвиче» помчался по проспекту Мира. Четверти часа не прошло, как он миновал свой дом возле метро «Мир» (так в ту пору называлась «Алексеевская»). Дальше, казалось, — край Ойкумены. Никакого памятника покорителям космоса (в который как бы втыкался в двадцать первом веке проспект Мира) еще не существовало. За железнодорожным кольцом начинались пригороды — город Бабушкин, а потом Подмосковье: Перловка, Тайнинка, Мытищи.

Данилов остановился, не доезжая квартала до гостиницы «Золотой колос», запер «Москвичок», пошел к корпусу. И вдруг — ба, навстречу шествует его собственная юная мамочка — довольная, даже, кажется, раскрасневшаяся. Неужто посещала своего возлюбленного в гостинице? И советские церберши пустили? Разрешили пребывание в номере особы противоположного пола?

— Привет, — он подошел к ней.

Ее глаза округлились.

— Данилов? Ты что, следишь за мной?

— Конечно, слежу. А ты не знала?

— Теперь буду знать.

— Ты, говорят, любовь закрутила?

— Валентин разболтал! Вот трепло!

— Да мне, если честно, до твоей любви дела нет. Встречайся с кем хочешь. Но ты, говорят, со

своим *предметом* в поход собралась? По горному Уралу?

— А тебе-то что? — спросила Лариса с вызовом.

— В общем-то, ничего. Но ты, по-моему, убедилась уже, что мне — будущее ведомо?

— Да, болтун ты знатный. — Девушка усмехнулась, но в ее глазах мелькнул опасливый огонек.

Данилов об заклад готов был биться, что к его предсказаниям Лариса прислушивается.

— Так вот, знаю я, что все, кто в этот поход пойдет — и возлюбленный твой по фамилии Кривонищенко, и руководитель группы Дятлов, и ты, если вдруг тоже с ними отправишься, — все вы погибнете. Поэтому я сделаю все, чтобы вы никуда не пошли. А если товарищи твои все-таки, несмотря ни на что, вдруг на авантюру решатся, я тебя прошу: ни в какой поход, да на Урал, этой зимой — ни ногой.

— Я вот не пойму, Данилов: тебе вообще до меня что за дело? Возникаешь раз в год — то хамить начинаешь, то предостерегаешь...

— А ты, Жаворонкова, считай, что я — твой ангел-хранитель. Сама посуди: откуда я знаю о тебе такие вещи, которые ты никому-никому раньше не рассказывала?

— Например?

— Например, в девятом классе ты влюбилась в своего учителя физики. А когда он продемонстрировал к тебе — после уроков, наедине — недвусмысленный мужской интерес, съездила ему по физиономии и в слезах убежала. И все твое чувство к нему как рукой сняло.

Эту историю когда-то в юности рассказывала ему мама — из педагогических, видать, соображений,

чтобы он с девчонками рук не распускал. Но сейчас она вся вспыхнула, бросила ему: «Дурак!» — развернулась и кинулась прочь по улице Ярославской.

Данилов зашагал к своей машине. Кажется, все, что мог, он сделал. Все равно, конечно, надо держать ситуацию (как говорят партийные чинуши) «на контроле». И он постановил для себя, что через неделю снова позвонит в Уральский политех, только на этот раз — ректору.

И знать не знал Данилов, что не сможет он через неделю никому позвонить, никак не сможет.

Он сел за руль своего «Москвича» и покатил в сторону области. Хотелось проехать, проветрить голову.

Ярославское шоссе в пятьдесят девятом году представляло собой скромную двухпутную дорогу: один ряд ехал в Москву, встречный — в Подмосковье. И никаких тебе пробок.

Северянинский путепровод уже открыли, ждть на переезде не пришлось, поэтому довольно быстро Данилов достиг будущего пересечения с МКАД. Дорогу еще не ввели, но уже делали под нее насыпь¹.

Вот там-то, в тени возводящегося моста, Алексея и ждала засада.

Милицейская «Волга» с репродукторами на крыше, а в ней двое красивых фуражкиных. И почему-то сразу подумалось: это не просто случайная облава — ай-яй-яй, товарищ водитель, что ж вы так быстро едете, — а конкретно по его душу.

Так и случилось. Лейтенант чуть не наперерез машине с жезлом выскочил. Засвистел, замахал, указал:

---

¹ Первая очередь МКАДа, восточная, от Ярославского до Симферопольского шоссе, откроется 22 ноября 1960 года.

прижаться к обочине. Данилов послушно выполнил команды. Не бежать же.

Он вышел из своего «москвичонка». Здесь, в СССР, повелось: остановленный милицией шофер обязательно поднимался навстречу орудовцу. Встречал, так сказать, лицом к лицу. Лишь позже, с наступлением капитализма, в России утвердился американский стиль: водитель сидит по-барски в кресле, ждет, когда полицейский причапает.

Алексей вытащил из кармана документы. Но лейтенант, не дожидаясь, нетерпеливо спросил:

— Товарищ Данилов?

— Так точно.

— Вам придется проехать с нами.

«Ну, вот оно! Слишком хорошо все у меня складывалось: квартира, машина, должность. Так не могло продолжаться вечно. Вот и случилось».

— Куда — проехать?

— Вам все объяснят. Оставьте здесь свою машину.

— Надо, значит, надо, — дернул плечом Алексей.

Его усадили на заднее сиденье милицейского авто. Лейтенант уселся рядом. «Волга» сделала лихой разворот и понеслась назад, в сторону столицы.

Сержант за рулем включил сирену, мигалку и помчался во весь опор. Машина неслась, словно в фильме «Дело пестрых», местном блокбастере прошлого, пятьдесят восьмого года. Прохожие на улицах провожали их глазами. Небось думали: доблестная орденосная милиция летит ловить опасного преступника.

— Я арестован? — спросил Данилов. — Задержан?

Лейтенант промолчал. Рулевой сержант тем более.

Милицейское синее с красным авто, как бы второя в обратном порядке и в ускоренном режиме

недавний путь Данилова к окраинам, очень быстро донеслось до Садового. Но там не помчалась прямо, по Сретенке, а свернуло, как ни странно, направо. Данилов удивился: почему ушли на Садовое? Куда везут? И почему его вообще вдруг задержали? Да так странно, с милицией? Только что он был на работе, на Старой площади. Почему не там его *взяли*? С недавних сталинских времен повелось арестовывать без шума: по ночам или по дороге на работу. А тут такой бемц. Что за суета и спешка? И куда его везут? По идее, в одно из трех мест: либо он срочно понадобился на службе, тогда это — ЦК КПСС на Старой площади. Либо — и это лучшее, что он мог представить, — напрямиком в рабочий кабинет Хрущева, в Кремль. Или — и то было худшим вариантом — в КГБ, на площадь Дзержинского. Но при всех этих вариантах сине-красная «Волга» должна была по Сретенке лететь к центру. Но нет — вот уже площадь Маяковского. Тут пока не построили никакого тоннеля. Мелькнул недавно установленный памятник пролетарскому поэту. У его подножия, несмотря на мороз, опять читали стихи — первые несанкционированные сборища, робкие ростки оттепели.

Мелькнуло старое здание «Современника» (скоро его снесут) — там народ толпился, верно, стрелял лишние билетки на спектакль-сенсацию «Голого короля» с молодыми Евстигнеевым и Квашой.

Но милицейская машина летела дальше — к площади Восстания. Повернули на Кутузовский, затем — на недавно, к сорокалетию Октябрьской революции, открытый мост и понеслись дальше, в область.

— Куда мы следуем? — нервно спросил Данилов, подделываясь под стиль милицейского протоко-

ла, оттуда и выскочило это бюрократическое словечко.

Как-то боязно сделалось. Сейчас завезут куда-нибудь в лес да шлепнут без приговора. Хотя в пятьдесят девятом году это не практиковалось. Даже в самые расстрельные времена соблюдали видимость законности: «тройка», трибунал и лишь потом — пуля в затылок.

Даниловский вопрос повис без ответа.

— Куда мы едем? — переспросил Алексей уже с нажимом. — Я ответственный работник ЦК и хочу знать!

— Да мы в курсе, — ласково проговорил лейтеха и повторил: — В курсе мы, что вы, товарищ Данилов, ответственный работник. Не волнуйтесь, скоро доставим вас по назначению.

И то, что тот ответил, и предупредительная интонация, прозвучавшая в голосе милицейского лейтенанта, и, наконец, то, что никакими наручниками его свободу не ограничили — мог ведь выпрыгнуть на любом повороте! — несколько успокоили Алексея. А вскорости они остановились на обочине, где их уже ждал огромный членовоз, впрочем, нет, это слово как обозначение автомобилей, в которых передвигались вожди, появилось в обиходе позже... То был очень большой «ЗИС», или «Завод имени Сталина» — его, равно как и автомобиль, к тому моменту еще не переименовали.

— Вылазьте, товарищ Данилов, — с дружеским участием промолвил лейтенант-орудовец. — Приказано вас передать с рук на руки.

Алексей выполнил приказ и выбрался из «волжанки». Лейтенант держался рядом, будто боялся, что Данилов дунет в лес. Сержант остался за рулем.

А из лимузина навстречу вылез незнакомый — вальяжный и владетельный мужчина лет сорока. Кажется, в коридорах ЦК Данилов его встречал и был тот чуть ли не главным помощником Хрущева: как его — какая-то фамилия древняя, старославянская — Воротынский, что ли, Шуйский, Милославский?..

Милицейский лейтенант тоже признал в товарище высокую власть, вытянулся в струнку и козырнул. Не обращая на него никакого внимания, ответственный работник — а все обличье незнакомца, не говоря об авто, кричало о том, что он работник именно ответственный, с ласковой укоризной обратился к Данилову:

— Что ж это вы творите, дорогой наш человек! Куда пропали? С работы, говорят, уже уехали. Дома не появлялись. Пришлось, натурально, в розыск вас подавать! Милицию на поиски подключать!

«Я не виноват, что у вас тут еще мобильных не изобрели», — захотелось ляпнуть Алексею.

Но в курсе ли товарищ, что Данилов — *человек из будущего*? Допущен ли к сей тайне? Поэтому он просто буркнул:

— А что случилось?

Вместо ответа незнакомец бросил, обращаясь к лейтенанту:

— Свободны, товарищи. Благодарю за службу, — и даже пожал ему руку.

Лейтеха-орудовец намек, что пора уматывать, медленно понял, сел на переднее сиденье, и «волжанка», пыхнув довольно вонючим выхлопом (бензинчик тут с октановым числом «шестьдесят шесть»), бодро развернулась и понеслась обратно в Москву.

А ответственный работник с почтением сказал:

— Прошу в машину.

— Чем обязан?

— Скоро сами все увидите, что я буду предвирать.

Они уселись в «ЗИС» на мягкие диваны друг против друга, причем хозяин авто предоставил Данилову бластное местечко по ходу движения, сам же уселся на холуйское, в противоположном направлении. Машина тронулась — незаметно и уверенно, словно «Бентли».

— Кофе хотите? — спросил хозяин лимузина.

— Откуда вы знаете, что я люблю кофе? — живейшим образом переспросил молодой человек.

— Да я и сам его люблю.

Он достал огромный китайский термос, расписанный цветами, отвинтил крышку и налил Алексею пару глотков черного дымящегося напитка.

По кофе Данилов здесь, в прошлом, скучал. Как и по сотовым телефонам, и по милым кафе. По капучино с латте, наконец. Здесь, в пятьдесят девятом году, никакого капучино не знали.

Хотя по большому счету Данилову грех на судьбу жаловаться. Он благодаря опытам, которые финансировал олигарх Корюкин, и собственной опрометчивости из 2017 года перелетел на шестьдесят лет назад и очнулся в октябре 1957-го в теле своего собственного отца, Сергея Владиленовича Данилова, восемнадцатилетнего студента Московского технологического института. И ничего он в тот момент не имел, кроме койки в студенческом общежитии, читательского и комсомольского билетов, стипендии в двести шестьдесят рублей и редких посылок от мамы из Энска. А теперь — не прошло и двух лет — вона как устроился! Сумел протыриться к самому Хрущеву, заставил

себя выслушать, убедил в собственной полезности. Да не ради собственной выгоды, а с желанием переменить в лучшую сторону ход истории. Но вдобавок получил квартиру и личную машину в столице всего прогрессивного человечества. Мало того: единовластный владыка всей империи, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии и Председатель Совета Министров, его, мальчишку по сути, к себе для частных и конфиденциальных разговоров приглашает, к мнению прислушивается¹.

И эти приглашения вызывают, конечно, скрежет зубовный всего ближнего круга, того же Железного Шурика — Шаляпина и прочих Брежневых, Козловых и Сусловых.

Первое время Данилов обольщался, конечно, своим высоким положением: подумать только, под него даже особенную должность выдумали! «Личный помощник Первого секретаря ЦК КПСС по особым вопросам», надо же. Но быстро понял, по первым же косым взглядам в коридорах на Старой площади, какая он для всей камарильи кость в горле. На какой он скользкий лёд вступил. С каким удовольствием соратники «дорогого Никиты Сергеевича» при случае его схарчат.

Поэтому ему следовало быть вдвойне, втройне осторожней. Стоит только оступиться, не то брякнуть, не так посмотреть — сожрут. И косточек не оставят. Подставят перед Никитой, ославят, наплетут. Да и сам предсовмина — он же кукурузник, он же

---

¹ Подробнее об этом — в предыдущем романе Анны и Сергея Литвиновых из серии «Агент секретной службы» — «Успеть изменить до рассвета».

Хрущ — крутенок бывает и хитер. Выскажешь что-то супротив его «ндраву» — тут же полетят клочки по за-коулочкам.

Наконец прибыли на державную дачу, дальнюю — еще имелась у Никиты Сергеича, как и у трех других вождей, ближняя, прямо на берегу Москвы-реки, супротив недавно построенного стадиона «Лужники». Перед «ЗИСом» без промедления раскрыли ворота, и лимузин вкатился на территорию, а там подрулил к самым ступенькам. Хозяин авто демократично пожал руку прикрепленному сотруднику, который дежурил на первом этаже на телефоне, а потом по державной лестнице с красной ковровой дорожкой незамедлительно проводил Данилова на второй этаж. Деревянные панели, тяжелые люстры и мебель, конечно, впечатляли, но они ни в какое сравнение не шли с дачами новой русской буржуазии, что станут появляться на том же Рублево-Успенском направлении с девяностых годов двадцатого века.

Хрущев в одиночестве сидел в столовой и читал газету «Правда». Подумать только, какая умилительная картинка для придворных живописцев, всяких Герасимовых, Решетниковых и Лактионовых — дай им волю! Никита Сергеевич пока писать свои портреты не давал, но это только пока.

— Разрешите, Никита Сергеевич? — мягко, почти неслышно прошелестел спутник Данилова, съезжившись и даже как будто меньше став ростом.

— Заводи, Жора. И сам ступай отсюда. С тобой потом.

Маленькие, умненькие глазки хитренького поросенка на лысом челе первого секретаря смотрели испытующе и вроде бы добродушно. Но

Данилов не сомневался: за ними — редкостные хватка, воля и хитрость. И добродушный, якобы отеческий тон руководителя нисколько не мог его обмануть. Им, тоном этим, нисколько не следовало обольщаться.

— Нашли тебя? Ну, пойдем, побродим, побалакаем. Здесь, в стенах, все подряд болтать нельзя. Думаешь, я не знаю, что даже самого *Хозяина* Берия писал? Конечно, писал! И меня теперь. Шурик Железный и пишет, гаденыш, хоть кол ему на голове теши.

Железного Шурика, которого упомянул Никита Сергеевич, — Александра Шаляпина — только что назначили главой КГБ.

Сложно у них тут всё, при социализме.

Никита Сергеевич взял каракулевую папаху, надел драповое пальто с каракулевым же воротником и покатился стремительным колобком впереди Данилова. Вышли на воздух. Первый секретарь был полненький, а росточка маленького. Алексей возвышался над ним едва ли не на две головы. Шажок у премьер-министра был мелкий, но быстрый, требовалось поспешать, чтобы рядом с ним держаться. Он и вел — по дорожкам, затейливо проложенным среди настоящего леса, окружавшего партийную дачу, и заботливо расчищенным обслугой от снега и льда. За ними увязался было один охранник, но Хрущ сделал знак: отстань, мол.

— Давай, Алеша, рассказывай, — по-отечески начал владыка мира и социализма и даже ручкой Данилова похлопал — по плечу не получилось, высокогато для него, вышло по талии. — Знаю, щадишь ты меня, старика, не все докладываешь. Вот теперь давай поведай мне: как я в будущем власти лишусь.

— Так ведь мы же все делаем, — с жаром воскликнул молодой человек, — чтобы ничего подобного не произошло! Вот выведем вас, Никита Сергеич, на всеобщие выборы, сделаем первым президентом СССР — и никто больше, никакие политические недруги не смогут сместить. Только народ! А народ вас любит. К тому же у нас, в будущем, говорят так: важно не *как* голосуют, а *кто* считает. А считать — *мы* будем.

— Ты давай, Алеша, не увиливай, — жестко проговорил персек. — Сказали тебе: доложи, как меня сняли, — так докладывай.

— Это еще не скоро произойдет. В октябре тысяча девятьсот шестьдесят четвертого. Через пять лет с гаком.

— Не увиливай.

— Как снимать, вы же, Никита Сергеич, сами и отработали, — сдерзил Данилов. — В пятьдесят седьмом, когда Маленков-Каганович-Молотов — и примкнувший к ним Шепилов — вас пытались сместить. Все так же будет. Соберут в октябре шестьдесят четвертого пленум ЦК. Все выступят по очереди, какой вы плохой. И проголосуют — единогласно, против вас, Никита Сергеевич. Большинство членов ЦК будут заранее подготовлены. С ними предварительную работу проведут.

— А кто закоперщиком будет?

— Да много их, заговорщиков, окажется. И Подгорный, и Брежнев...

— Брежнев! Этот холуй, весельчак, пьяница!.. А что же КГБ, армия, охрана моя? Неужели никто меня не поддержит?

— А с ними тоже поработают заранее. Все против вас выступят. И Шалапин, ваш «Железный Шурик», и Семизоров, на тот момент председатель КГБ, и Малиновский, министр обороны. Если говорить прямо: все вас предадут.

— Как? И никто даже на пленуме за меня не заступится?

— Ни один. Все будут вас поносить. И Суслов, и Полянский, и Шалапин, и Подгорный. Один только Микоян промолчит.

— И на том Серго спасибо, — кисло усмехнулся первый секретарь.

Предсовмина выглядел растоптанным. Еще бы — выяснить, что на старости лет у него не останется ни единого друга; ни один из тех, кто вылизывал его и униженно кланялся, не преминет вонзить кинжал в спину — да, это был удар.

— Спасибо, что не арестуют вас, не сошлют и не посадят. Будете жить на дальней даче, под Москвой, с семьей, детьми. Аджубей только, зятек ваш, от вас отвернется.

— В его подлом характере я никогда не сомневался. А проживу-то я сколько?

— Вас в семьдесят первом году не станет, Никита Сергеевич.

— Вроде долго еще. А все равно — мало.

— Если от власти не отойдете и все возможности кремлевской медицины будете пользоваться — дольше проживете.

— Да, двенадцать лет впереди! Сколько я мог бы сделать еще — на благо страны и человечества — да, Алеша?.. Скажи: а без меня что со страной-то будет?

— В октябре шестьдесят четвертого провозгласят, что настает, дескать, в СССР коллективное руководство. Брежнева сделают первым секретарем ЦК, впоследствии он себя в генерального переименует, Косыгин будет председателем Совета Министров, Подгорный возглавит Верховный Совет.

— Вот ничтожества!

— Только все равно опять начнется единоличное правление. В России, видать, иначе невозможно. Брежнев всю власть к рукам приберет.

— Брежнев! Станет лидером такой страны! Подумать только! Да как можно допустить?! Ничтожный ведь человек! Алкоголик! Бабник!

— Так и будет все в СССР тянуться через пень-колоду, пока Брежнев не помрет. Реформы Косыгина быстро свернут, станут на вооружения кучу денег тратить, с американцами мериться, у кого боеголовка крупнее. Народ все хуже и хуже станет жить — в провинции вообще ничего не купить, кроме хлеба и крупы перловой. А Брежневу все трын-трава, ему лишь бы охота да медсестры. И награждать его станут: орден Победы дадут, четырежды Героя Советского Союза...

— Р-растреляю подлеца! Пряма завтра!

— Не торопитесь, Никита Сергеевич. Лучше известный и старый враг, чем новый-неизученный... А Брежнев у власти до восемьдесят второго года дотянет.

— Восемнадцать лет! Однако!

— Он страну до ручки-то и доведет. Алкоголизм станет нормой жизни. А из областей: Калининской, Тульской, Владимирской — в Москву за продуктами станут ездить, у них-то совсем голяк будет. Да что го-

ворить! Я в восьмидесятые годы в городе Энске жил, и хоть у меня папа директор завода был, я-то видел, как там народ бедовал: ни поесть, ни одеться. Поэтому, знаете, когда в восемьдесят пятом к власти в стране Горбачев пришел — молодой, энергичный генеральный секретарь, все его сначала с восторгом встретили. Он за реформы взялся — гласность, это типа как оттепель, плюс перестройка народного хозяйства. Да только, видать, поздно уже было. Все и посыпалось. Страны народной демократии самостоятельности захотели. Берлинскую стену разрушили. Мы войска из ГДР вывели, и она в состав ФРГ вошла. И в Польше, Чехословакии — везде! — к власти капиталисты пришли. А потом и Советский Союз рассыпался на отдельные государства. Независимые Украина, Грузия, Белоруссия, Казахстан... Да все не просто так! Россия с Украиной и Грузией сейчас враждуют, Армения с Азербайджаном — настоящие войны между собой вели.

— Врешь! — вдруг иступленно прокричал первый секретарь. — Не может этого быть! Врешь ты все!

Они шествовали на максимальном удалении от дома вблизи от бетонного забора, окружавшего дачу. Данилов увидел, как зашевелились ветки гигантской ели метрах в тридцати и оттуда выступил, ушки на макушке, сотрудник в сером.

— Ох, Никита Сергеевич! Вы же понимаете: я, чтобы вам потрафить, мог бы рассказывать, как все сладко да ладно, но что поделаешь, если так сложилось?

— Тогда скажи: где и в чем мы ошиблись? Что поправить можно? Прямо сейчас? Пока я во власти и в силе?

К подобному разговору Данилов давно готовился. Даже какие-то прикидки делал, в тетрадочку формулировки записывал.

— Знаете, Никита Сергеевич, когда Советский Союз в девяносто первом распался, всю власть капиталисты заполучили, буржуины настоящие. Приватизировали — ну, то есть хапнули, иными словами, — все средства производства: металлургические заводы — Норильский никель, Красноярский алюминиевый, нефтяные и газовые месторождения, трубопроводы, другие предприятия, вплоть до земли. И те, которые стали их хозяевами — я до сих пор удивляюсь! — вроде раньше обычными советскими людьми считались, пионерчиками, комсомольцами, а сейчас буквально от жира лопаются. Яхты у них стометровые с вертолетными площадками и бассейнами, самолеты личные, замки стокомнатные. Футбольными командами они владеют и стадионами — «Спартак»», к примеру, питерским «Зенитом» и ЦСКА...

— Да как вы там, в двадцать первом веке, терпите это?! Давно пора поднять революционное восстание!

— Как терпим? А что делать? На их стороне — Росгвардия, оснащенная, вооруженная, с дубинками и газом слезоточивым.

— Возмутительно! Куда вы страну завели!

— Да не только мы, Никита Сергеевич! — в сердцах проговорил, забывшись, Алексей. — Мы-то ведь — что решали? Мы — простой народ. А вы — руководитель. Не с вас ли все началось?

— С меня?! — взревел Никита. — Да я что сделал-то?

— Вот именно! Ничего вы, Никита Сергеевич, пока не сделали, чтобы Советский Союз улучшить после

сталинской стужи, его исправить. Все у вас не попад: догоним США по молоку и мясу, засадим все поля кукурузой, на Кубу ракеты отправим!

В сей момент Данилову показалось, что первый секретарь/предсовмина ударит его. Или вызовет охрану. Во всяком случае, Хрущев побагровел, что твоя свекла, или, как он сам по-южнороссийски выражался, «бурак». Маленькие глазки кровью налились, и казалось, вот-вот его круглое тельце разорвет от злости. Но он сдержался. В очередной раз — не дал волю своему бешенству.

— Что же ты предлагаешь, стручок? — с ядовитой презрительностью промолвил хозяин советского мира.

— Знаете, Никита Сергеевич, ведь в будущем не только ужасы имеют место, но и прекрасные вещи. Например, Россия снова стала импортировать зерно — да в больших количествах. А ведь в шестьдесят третьем году вы, Никита Сергеевич, чтоб народ прокормить, на Западе за золото пшеницу покупать станете. И ваши преемники, тот же Брежнев, — эту практику продолжит. А мы в двадцать первом веке сами справляемся. И знаете почему?

— Ну?

— Потому что крестьянина освободили. Раскрепостили. Колхозы закрыли. Сказали людям: столько земли бери, сколько сможешь обрабатывать. И никто никому не советует, не указывает: где и что сажать-сеять. Кукурузу там или рожь.

Алексей заметил, что лицо советского руководителя снова наливается кровью, но решил: а плевать, не буду молчать, семь бед — один ответ, выскажусь начистоту. И продолжал:

— И с мясом-курицей-яйцами-молоком — точно так же никаких у нас проблем. Потому что нет дурацких ограничений, как при Советском Союзе: только одну корову держать. Или участок подсобный — всего шесть соток, а дом поставить можно лишь тридцать шесть квадратных метров. У нас — если ты фермер и есть силы и желание: хоть сто бычков на откорм бери и кормовые сажай, какие сочтешь нужным, не обязательно кукурузу, хоть на ста гектарах — земли в России много!

Хрущев слушал, багровел, но не перебивал. Они шествовали по дорожкам, удалившись от главного здания дачи, по настоящему заснеженному лесу.

— Так же и с малым бизнесом в городах. Ну почему б вам не разрешить парикмахерские частные? Кафе? Магазины? Мастерские? Почему у вас за все государство отвечает? И за сталь, и за столовые? И за газ, и за пиво? Ну, разгрузите вы его, государство! Отдайте всякую мелочь частнику!

— Да как же ты не понимаешь?! — громовым голосом заорал тут первый секретарь. — Вот с этого самого частника — реставрация капитализма и начинается! Сегодня мы мастерскую разрешим, а завтра мелкобуржуазный уклад все пожрет! И не заметим, как те буржуи появятся, о которых ты буровишь, на яхтах стометровых!

— Тогда вам вообще ничего менять не надо! Наоборот, вернуть все, как при Сталине! Не туда посмотрел — расстрел! Не то сказал — каторга!

— А ты меня усатым-то не пугай! — продолжал свирепеть Хрущев. — Я с ним двадцать лет работал — не испужался! Моду взяли! Ты мне своей дилеммой в морду не тыкай! Ишь! Или свободу через край — или

расстреливать! Партия сама разберется, без ваших скользких указаний, ревизионизмом попахивающими, как нам коммунизм строить!

— Да не строите вы его! — в сердцах вскричал Данилов. — Губите вы самую идею коммунистическую! И страну — тоже!

— Хватит! — окончательно рассвирепел персек/предсовмина. — Ишь, нашелся! Кликуша! Оппортунист! Убирайся! Не желаю слушать тебя!

— Ладно. — Данилов пожал плечами. — Тогда до свидания. — Развернулся и по расчищенной дорожке отправился к выходу с дачи.

Хрущев, он чувствовал, смотрит ему вслед — одно-ко окликать тот не стал.

Потом еще пришлось просидеть с час, не меньше, в домике для охраны у ворот — пока ребята в штатском вели тихие переговоры по телефону: куда его и кому везти — пешком с дачи первого секретаря не уходят. Наконец подали, согласно явно понизившемуся статусу, «волжанку» М-21. Водила, молчаливый и настороженный, повез Алексея через город — западную часть МКАДа только начинали строить. По пути молодой человек старался не думать, что будет дальше. Слегка хлебнувши советских порядков, он понимал, что после ссоры с первым секретарем с ним может случиться все что угодно. Но все-таки надеялся на лучшее. Хрущ — он гневлив, но отходчив. И вроде не злопамятен.

На пересечении Ярославки с будущим МКАДом он распрощался с водителем «Волги» и пересел в свой морковный «москвичок», сиротливо стоявший на обочине. Завелся, поехал к себе домой на «Алексеевскую». Зарулил во двор, припарковался. И сердце

у него упало, когда, подойдя к подъезду, он оказался окружен тремя угрюмыми хмырями в пальто с цигейковыми воротниками:

— Гражданин Данилов? Вам придется проехать с нами.

Советская печать:

Вперед, к новым победам коммунизма! (*Встреча товарища Н.С. Хрущева с избирателями Калининского избирательного округа гор. Москвы*)

Взоры миллионов англичан обращены к Москве.

Заглянем в завтрашний день «...Большие выносные экраны телевизоров можно будет повесить на стене, как картину...»

О движении третьего искусственного спутника Земли.

Посещение Премьер-Министром Великобритании Г. Макмилланом Большого театра Союза ССР. «...Находящиеся в Москве с официальным государственным визитом Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан, министр иностранных дел Селвин Ллойд и сопровождающие их лица 25 февраля смотрели в Государственном Академическом Большом театре СССР балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». На спектакле в центральной ложе, которая была украшена государственными флагами Великобритании и СССР, вместе с английскими государственными деятелями были Председатель Со-

вета Министров СССР Н. С. Хрущев, Заместители Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко...»

Варя

Что она могла, простая советская девятнадцатилетняя девушка, живущая в СССР в 1959 году? Хорошо учиться, заниматься комсомольской работой, расти идейно и духовно.

Дозволялось и даже приветствовалось заниматься спортом — в физкультурной секции или вместе с подругами. Зимой — носиться на деревянных лыжах. Летом — грести на лодке в ЦПКиО имени Горького. Или в ужасных шароварах наматывать круги на институтском стадионе «Технолог».

Девушка могла дружить с мальчиками. Именно так — *дружить*. Слово *влюбляться* было какое-то нехорошее, подозрительное, мелкобуржуазное. А *заниматься любовью* — вообще табу. Более ханжеское общество, чем советское, еще поискать. О плотском если и говорят, то только тихим шепотом, с ближайшими подругами.

Что еще было подвластно Варе? Написать письмо в газету. Выступить на комсомольском собрании. Или даже на открытом партийном.

Но она не могла *ничего менять*. И ни на что *влиять*.

Как могла она, к примеру, помочь своему любимому?

Незаконно арестованному?

Обвиненному?

Да она не в силах даже в точности узнать: действительно ли он арестован? В чем его подозревают? Или

он *просто* пропал? Но ведь просто так, сами по себе, без помощи властей, люди тогда пропадали крайне редко. Это потом, в девяностые и начальные нулевые, лихих людей разведется полно, а государству и дела не будет. Но в 1959-м — нет. Совсем недавно, шесть лет только прошло, как умер усатый, но администрация по-прежнему сечет: что сказал, где выступил, куда посмотрел.

Когда Данилов исчез — не отвечает телефон ни дома, ни на работе, квартира на проспекте Мира заперта, и никто не откликается, Варя сначала думала: срочное дело, какую-нибудь бумагу пишут, к съезду партии готовятся. Но Алексей не мог оставить ее в безвестности, обязательно выбрал бы момент и позвонил. А тут сутки прошли, двое, а он как в воду канул. Машина его, «Москвич» морковного цвета, которую Варя хорошо знала, у подъезда стоит, уже слегка присыпана снежком.

Девушка позвонила его секретарше, Ангелине Павловне — однажды Алексей приглашал Варю на службу и с нею познакомил. Но дамочка ответила сухо:

— Он здесь больше не работает, — и немедленно бросила трубку.

Когда три дня минуло, девушка пошла, как положено в подобных случаях, в отделение милиции по месту жительства исчезнувшего. Приняли ее там вежливо, но скептически. Не с холодным цинизмом отфутболили, как принято было в нулевые и десятые, но и без радушия дяди Степы. Изводили вопросами, почему она интересуется и кем Данилов ей приходится.

— Друг.

— Ах, друг... — глубокомысленные переглядывания.

— Никого, кроме меня, у него больше в Москве нет.

Однако заявление мильтоны взяли, велели захаживать, осведомляться. Но Варя чувствовала:дохлый номер. Не будут районные менты искать ответственного сотрудника ЦК — не тот уровень, не тот полет.

Тогда Кононова отправилась однажды с утра на Старую площадь. Прохаживалась там, мерзла, рискуя вызвать повышенное внимание КГБ: кто такая? Что тут ошивается? Наконец углядела в толпе идущих от метро «Дзержинская» Ангелину Павловну и бросилась к ней:

— Я по поводу Данилова. Скажите, где он, что с ним?

Даже не замедляя шага, тетка бросила на ходу:

— Я не знаю. — И добавила углом рта: — Не приходите сюда больше.

Варя собрала передачку: папиросы, сало, носки вязанные шерстяные — и отправилась в приемную КГБ на Кузнецкий Мост. И вроде бы сама, в другой жизни и в другом теле, числилась на службе в контро-ре-правопреемнице и даже звание капитана носила, а страшно было. Одно дело, когда ее вербовали в спецкомиссию при ФСБ в конце девяностых, на волне обновления и благодатных реформ, и совсем другое — пятидесятые. Еще ГУЛАГ не весь опростали. Короче, подсасывало от волнения, когда Варя добралась до окошка.

— Вот, хочу оставить передачку заключенному, — она потыкала узелком в окно.

— Фамилия-имя-отчество? — равнодушно проговорил лейтенант КГБ.

Варя назвала.

— Ждите.

Оконце захлопнулось. Спустя десять минут Варя услышала:

— За нами данный гражданин не числится.

— А где же он?!

Вопль остался безо всякого ответа.

Варя записалась на прием в ЦК партии. Через три дня ее принял в отдельном кабинете вежливый человек лет сорока, в костюмчике с галстучком. Она изложила суть дела:

— Данилов, сотрудник ЦК... Неизвестно, куда исчез... Дома не появляется вот уже две недели...

А тот на голубом глазу:

— Данилов? Нет у нас такого сотрудника. Не значится в списках, и не значилось его никогда.

Что оставалось делать? Только жалеть: может, напрасно врала она Алексею, что многое в будущем, благодаря его влиянию на Хрущева, изменится? Надо было сказать, что все там у нас, в две тысячи восемнадцатом году, осталось как прежде. Миллионодолларовые богатеи и коррупция, наглые чиновники и продажная полиция... Но ей так хотелось поддержать Алешку, показать, что все его усилия не напрасны, он благое дело вершит, подталкивая советские власти к реформам! Но, может, если б она ему правду сказала: ничего в России не меняется и, несмотря на все твои старания, осталось как было — может, тогда б он оставил свои попытки вразумить Хрущева? Наверное, лучше бросил бы он заниматься византийской кремлевской политикой и стал обычным советским гражданином... Может, тогда и цел остался, и на свободе?

Но правду говорят: история сослагательного наклонения не имеет. Теперь ей надо попытаться если не вытащить Данилова, то хотя бы облегчить его участь. Конечно, Варя знала, что многое, очень многое в советской стране делается под ковром, по благу, по принципу «ты — мне, я — тебе». А тут и нужный человек вроде бы у нее под боком.

Находясь в чужом, девятнадцатилетнем теле, Варя проживала вместе с матерью и отчимом. Ей несказанно повезло. Большая часть населения СССР, в основном колхозное крестьянство, ютилось по избам, где вода — из колодца, а удобства — на улице. Другой гигантский отряд, рабочий класс, теснился по баракам да коммуналкам. Ей же досталась комфортабельная четырехкомнатная квартира с паровым отоплением, горячей водой и газовой плитой. А все потому, что ее отчим, Аркадий Афанасьевич, являлся ценным для страны Советов кадром, начальником АХО (административно-хозяйственного отдела) в крупном и очень секретном почтовом ящике. Отношения у нее с отчимом были не то что сложными, но напряженными. Уже одно то, что она — девятнадцатилетняя студентка! — встречается с мужчиной и даже остается у него ночевать. Пусть там любовь, пусть Данилов и ответственный работник ЦК партии, но все равно: разврат! Почему не женится?! — хотя и рано жениться в девятнадцать лет, конечно, но лучше уж так, чем блуд неприкрытый! Обо всем этом отчим, Варя слышала, регулярно толковал с матерью — он вообще очень правильным был, этот пятидесятилетний округлый хорек в очочках. Притом девушка порой его взгляды ловила: если б она была девятнадцатилетней советской первокурсницей, может, их и не понимала бы,

но так как она долго прожила в другом женском теле, то хорошо знала цену подобных сальных мужских косяков. Короче, идти на поклон к Аркадию Афанасьевичу не хотелось — однако никаких больше вариантов узнать о судьбе Данилова не оставалось. Пришлось постучаться вечером в кабинет и все изложить.

Отчим, конечно, не преминул, воскликнул:

— Да разве можно было вообще с таким типом связываться! — Однако сказал, что постарается узнать. Но притом загундосил: — Доведешь ты меня со своим Даниловым до цугундера, чует мое сердце, доведешь!

— Не кликушествуйте, Аркадий Афанасьевич, и не каркайте! — припечатала Варя и вышла из кабинета.

Да, больше никаких шансов узнать о судьбе Данилова, кажется, не оставалось. И даже шансы сделать что-то через отчима представлялись крайне призрачными.

Но потом в жизни Вари случилась удивительная встреча.

* * *

Сидеть в тюрьме Данилову было не впервой. Однажды его еще Варя арестовывала, когда они были врагами. И в новом теле, когда он впервые явился пред светлые очи Хруща, его для начала в каталажку посадили, мытарили и проверяли¹. Но на сей раз, в отличие от первых двух, Алексею почему-то казалось: теперь заключение надолго. Если не навсегда.

Начать с того, что он даже не знал, где находится. Ни в какой тюрьме, ни в каком городе. Когда его *взя-*

---

¹ Подробнее можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят» и «Успеть изменить до рассвета».

ли у собственного подъезда на проспекте Мира и усадили в черную «Волгу», сидевший рядом хмырениш в галстучке первым делом вколол Данилову в бедро какое-то снадобье — и тот улетел. Очнулся неизвестно через сколько в тюремной камере. В одиночке. Голова болела, была тупой и гулкой.

Никто из охраны ни о чем с Алексеем не беседовал, сколько он ни пытался завести разговор — хотя бы о погоде.

Никаких сокамерников, даже в роли наседок, к нему не подсаживали. Кормили не то чтобы вкусно, но приемлемо, не баландой тюремной: на завтрак — каша с маслом или творог со сметаной, на обед — густые щи с мясом, котлета с пюре. Утром и вечером выводили на opravку. Отхожие места в тюрьме, как и почти во всем Советском Союзе, смердели и густо были засыпаны хлоркой.

Довольно скоро ему предъявили обвинение — по той самой, печально знаменитой пятьдесят восьмой статье, по которой при Сталине несколько миллионов осудили, а сотни тысяч казнили¹. Пункт статьи вменили пятый, тоже расстрельный: «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии». И не поспоришь: действительно, рассказывать, что СССР развалится, а в двадцать первом веке власть в России будет принадлежать капиталистам, — разве не контрреволюция? Не помощь мировой буржуазии?

И начались допросы. Хотя как сказать... Почти ничего не спрашивали о жизни Данилова в про-

---

¹ В 1959 году в стране еще действовал старый Уголовный кодекс, принятый в 1926 году. Его поменяют в 1960-м.

шлом: в пятьдесят седьмом, восьмом году. Вскользь, бегло: с кем встречался, разговаривал, кому рассказывал свои беспочвенные фантазии относительно будущего? Тут молодой человек на своем стоял: никому ни слова, кроме первого секретаря ЦК товарища Хрущева, не поверял. Про Варю спрашивали бегло, и он, конечно, о том, что она тоже человек из будущего, не обмолвился. А потом начались другие — да их и допросами назвать было сложно. Скорее рассказы Данилова о том, что он знает и помнит из будущего. Из всех тех лет между тысяча девятьсот пятьдесят девятым и 2017-м (когда он в прошлое очертя голову бросился).

Всего расспрашивателей было четверо. Они чередовались друг за другом, и каждый расспрашивал Алексея целый день, с перерывом на обед. Судя по всему, они не в КГБ работали, а были приходящими консультантами.

Никто из них заключенному не представлялся и никаких отвлеченных разговоров не поддерживал. Первого Данилов прозвал для себя Историк — более всего тот похож был на дядек, которых он встречал порой в коридорах ЦК КПСС: консультантов, инструкторов. Спокойный, умный, румяный, свободолюбивый, он чем-то напоминал того хрущевского главного помощника, что недавно его на дачу к кукурузнику привозил. Или молодого академика Яковлева. Или, скажем, журналиста и будущего посла Бовина: холеный, лощенный, стильный, одетый в заграничное.

Этого интересовала общая канва будущих событий. Почему-то особенно — отношения с Америкой. Изложению Карибского кризиса посвятили несколь-

ко дней: все мельчайшие детали, какие только молодой человек сохранил в своей памяти, допросчик у него выцганивал. И с чего началось, и как развивалось, где нам пришлось отступить и в чем договориться.

Переворот с отстранением Хрущева в октябре шестьдесят четвертого тоже оказался допросчику чрезвычайно интересным. И ему несколько дней посвятили. А также убийству Кеннеди в Далласе в шестьдесят третьем. А потом: брежневское правление, политика мирного сосуществования, первые договоры об ограничении ракет. Затхлость брежневского режима, эпидемия властных смертей в начале восьмидесятых. Про Горбачева и его реформы Данилов тоже рассказывал подробно. А вот о том, как все устроено в нынешней России — на удивление интересовало мало: олигархи, реформа медицины, «крымнаш»... — все конспективно. Такое впечатление, будто до тех лет ни вопрошающий, ни те, кто его послал, доживать не собирались.

Вторым был человек, которого Алексей прозвал про себя «Вычислитель». Его интересовало все, связанное с компьютерами. Персоналки. Сотовые телефоны. Интернет. Облачные сервисы. Но что мог об этом Данилов, безнадежный гуманитарий, поведать? Разве он понимал, как устроены персональные компьютеры и мобильники, как действуют? Какие-то обломки знаний в памяти оставались, и он честно пытался их из себя выковырять, помочь советским технарям занять лидирующие позиции.

Третий был по части вооружений. Подтянутый, седой — казалось, он прямо перед тюрьмой снимает свой полковничий, а то и генеральский мундир и

переодевается в гражданское. И тут тоже — что мог знать и помнить пришелец из будущего, попадаец? Ракеты подземного базирования, разделяющиеся боеголовки. Помнится, полковнику (генералу?) очень понравилась — он чуть не закричал от восторга — идея о скрытом размещении межконтинентальных ракет на поездах, замаскированных под обычные составы, а также на автомобильных платформах — и постоянное циркулирование и того, и сего по трассам вокруг Москвы. Рассказал Данилов, что знал, и о технологии стелс, дронах, спутниковой разведке.

Впрочем, о космосе больше доводилось говорить с другим товарищем — тут Данилов проявил себя не то чтобы докой, но более осведомленным, чем в вычислительной технике и вооружениях. Все потому, что однажды рассказал ему американский шпион о том, как устранял великих людей двадцатого века — Сергея Павловича Королева и Юрия Алексеевича Гагарина¹. И после этого Алексей взялся изучать историю советской космонавтики и лунной гонки между СССР и США. Тоже, конечно, рассказывал как дилетант, начитавшийся мемуаров гуманитарий, но хоть что-то знал и помнил.

Консультант из космической отрасли был забавный: маленький, нечесаный, со скособоченным галстуком и нестриженными ногтями. Он курил, разбирая всюду пепел, и порой тушил папироски собственными пальцами, отчего последние частенько бывали у него черными. Иногда, в порыве вдохнове-

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

ния, он вдруг вскакивал и делал несколько кругов по допросной, мыча и потирая руки.

— Значит, вы говорите, — набрасывался он на Данилова, — что Советский Союз первым запустил человека в космос, но так и не побывал на Луне. А почему, как вы думаете?

Так как Алексей и сам себе этот вопрос не раз задавал, ответ он сформулировал неплохо:

— Сказались и объективные, и субъективные моменты. Из объективных отмечу недостаток финансирования. И то, что не создали единого научно-технического комплекса, перед которым поставили бы конкретную цель: отправить советского человека на Луну. Существовал и субъективный момент: академики Королев и Глушко разосрались, простите мой французский. Первый ни в какую не хотел делать ракету на высококипящих компонентах, считал, что это страшно вредно — и природе, и людям. И стал изобретать ракету Н-1, которая не полетела ни при его жизни, ни после. А второй был уверен, что кислород-водород-керосин сроду не дадут нужной тяги для тяжелой ракеты.

— Это ж все совершенно секретно! Откуда вы знаете! — восклицал «Космонавт», подсказывал и делал несколько кругов по допросной, мыча и потирая руки.

— Ну, к 2017 году все грифы снимут, архивы откроют. Но я вам другое хочу рассказать. Думаю, уже прямо сейчас, в начале пятьдесят девятого, академик Янгель в Днепропетровске, знаете такого? — Допрашиватель сделал невинное лицо кирпичом, по которому стало понятно, что, конечно, знает, и, возможно, даже лично. — Так вот, Янгель делает межконтин-

нентальную ракету, причем на двигателях Глушко, на высококипящих компонентах. Порядковый номер Эр-шестнадцать. И двадцать четвертого октября шестидесятого года ее с площадки на Байконуре — Тюратаме, как вы пока его называете, попытаются запустить. А так как будут страшно спешить порадовать дорогого Никиту Сергеича, станут работать прямо на стартовом столе, на заправленной ракете. Произойдет взрыв, растечется горящее ядовитое топливо. Около ста человек погибнут, в том числе маршал артиллерии Неделин. Поэтому запишите самое важное: двадцать четвертого октября шестидесятого, пятьдесят восьмая площадка Тюратама. Пожалуйста, не надо спешить!

«Космонавт» даниловскими показаниями бывал весьма доволен, радостно вскакивал, массируя кисти, распевал свои мычащие песенки.

— Сейчас, в начале пятьдесят девятого, — рассказывал Алексей, — как раз начинается набор в самый первый отряд тех, кого позже назовут космонавтами. Гагарин, Титов, Николаев и прочие. Их среди военных летчиков-истребителей выбирают. Но имейте в виду, что впоследствии Сергей Павлович не очень этим будет доволен: ребята без высшего образования, со знанием дела доложить о работе оборудования в полете не могут, а потом всемирная слава многих испортит — пьянка, женщины и подобное. Впоследствии сам Королев решит, что требования к космонавтам по здоровью следует снизить, а по части образования — повысить.

Раз в день Данилова выводили на прогулку — всегда одного, в мрачный тюремный дворик с крышей в виде решетки. Он присматривался, принюхивался к

воздуху: какая температура, влажность? Как понять, где он находится? В Москве или его вывезли куда-то? Сначала было так тепло, что он уверился: точно, завезли в южные края. Но потом вдруг снова пришли морозы, даже снег посыпал, к нему сквозь решетку снежинки залетали, и появилась уверенность: он недалеко от Москвы, если не в самой столице. Прогулка — одна в день, не дольше получаса, он считал шаги — десяти тысяч, по ЗОЖу положенных, не набиралось. Но лязгали двери: «Прогулка окончена, лицом к стене!» И ни малейшего отклика у конвоя ни на какой человеческий разговор.

Впрочем, одиночество не угнетало Данилова. Казалось, сама судьба велела ему быть одиноким, потому что уродился он не таким, как все. Но жизнь распорядилась, что ему всегда приходилось быть на людях: выслушивать, лечить, выступать. И вот теперь наконец он может насладиться жизнью интроверта, спрятаться, как улитка в раковину.

Но мучила мысль: а что потом? Его знания о будущем конечны. А что произойдет, когда он выдаст все, что помнил, и неминуемо начнет повторяться? Его выведут на суд и приговорят? Или (как говаривал Королёв Сергей Павлович) «шлепнут без приговора»?

И по Варе он, конечно, скучал. По любой — и в ее привычном теле роскошной, зрелой, самоуверенной тридцати-с-чем-то-летней женщины, и в роли девятнадцатилетней, слегка угловатой советской девчонки. Главное — душу он ее любил и по ней более всего тосковал. Совсем без нее было грустно.

Поэтому он надеялся — довольно слабо, но все равно, без надежды жизнь совсем безотраднa и не-

приглядна стала бы: может, когда он все-все расскажет и больше никакого интереса представлять не будет, его и отпустят? На свободу, к Варе?

* * *

И Варя в Москве тоже по Данилову тосковала. Думала: как нескладно получилось. Она устремилась к нему, в опасное, тяжелое путешествие, не то что за тысячу миль, а куда дальше, за целых шесть десятилетий. Наконец они обрели друг друга — и что же? Так быстро потеряют? Его поглотила серая советская машина, и даже непонятно: где он, что с ним, жив ли, а может, умер?

Он, пока был здесь, в СССР конца пятидесятых, часто ей советовал, как быть. К примеру, в какой вуз поступать. Ее любимого факультета ВМК (вычислительной математики и кибернетики) в МГУ (который она окончила в конце девяностых) еще просто не существовало. И Алексей сагитировал ее: иди в Технологический, там как раз новая кафедра появилась, называется «счетно-решающие приборы и устройства». С ума сойти! Счетно-решающие приборы! У них здесь даже слово «ЭВМ» пока не в ходу, не говоря уже про «компьютер». Выпускники кафедры говорят, первые счетно-решающие машины будут обслуживать, ламповые, — БЭСМ-6, к примеру. Неужели Варя, с ее талантом и опытом, на подобном жалком фоне не продвинется?

Однако даже поступить туда нелегко оказалось. Естественно-научная подготовка тут, в СССР, была на высочайшем уровне. Школьнички такие задачи решали на уровне вузовских выпускников двадцать первого века. А с историей КПСС вообще завал (как

выражались сокурсники). Никак Варе не давался предмет, не поворачивался язык бойко рассказывать *препу* (тогда так называли лекторов) о втором съезде РСДРП и ленинской борьбе с меньшевиками и прочими гадами. С грехом пополам — как раз в дни, когда пропал Данилов, — сдала проклятый предмет на троечку.

Вот и теперь: пара месяцев прошло, катила уже в глаза летняя сессия, а учиться никакой охоты не было, и все мысли только о нем, Данилове.

Московский технологический институт был в то время очень продвинутым. Оснащенные лаборатории, своя собственная учебная ТЭЦ, красивые аудитории с дубовой мебелью, мраморные лестницы. Все потому, что долгое время руководила вузом жена многолетнего председателя Совета Министров СССР товарища Маленкова, по фамилии Голубцова. Теперь-то ее давно не было, и самого Маленкова снял Хрущев на пленуме пятьдесят седьмого года, а Голубцова, как верная декабристка, поехала за ним в казахский Экибастуз, но все, что наработано ею было, включая мраморные лестницы, осталось. И трамвайная остановка у самого входа в вуз.

Добираться из института домой Варе приходилось долго: сначала на трамвае до «Бауманской», потом на метро с пересадкой до «Калужской» (так называлась в то время нынешняя станция «Октябрьская»-кольцевая), и там еще на автобусе по Ленинскому до самой Калужской заставы. (Станцию метро «Ленинский проспект» введут в строй только в 1962 году.) Формально — самая окраина города, зато квартира у отчима — в одном из двух прекрасных домов, постро-